

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2020, №5, Том 12 / 2020, No 5, Vol 12 <https://esj.today/issue-5-2020.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/39ECVN520.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кормишкин Е.Д., Горин В.А. Равный доступ к качественному образованию как возможность для «вертикальной» социальной мобильности // Вестник Евразийской науки, 2020 №5, <https://esj.today/PDF/39ECVN520.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kormishkin E.D., Gorin V.A. (2020). Equal access to quality education as an opportunity for “vertical” social mobility. *The Eurasian Scientific Journal*, [online] 5(12). Available at: <https://esj.today/PDF/39ECVN520.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00756 «Развитие теории и методологии исследования феномена социально-экономического неравенства в контексте неоиндустриальной парадигмы»

УДК 331.2

ГРНТИ 06.77.02

Кормишкин Евгений Данилович

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
Саранск, Россия

Профессор кафедры «Теоретической экономики и экономической безопасности»

Доктор экономических наук, профессор

E-mail: edkormishkin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7524-4072>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=351150

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56809392900>

Горин Владимир Александрович

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
Саранск, Россия

Доцент кафедры «Теоретической экономики и экономической безопасности»

Кандидат экономических наук, доцент

E-mail: msugorin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8385-1377>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=233739

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57191529519>

**Равный доступ к качественному
образованию как возможность для «вертикальной»
социальной мобильности**

Аннотация. Данная работа посвящена влиянию образования на «вертикальную» социальную мобильность. Основываясь на изучении теоретических и эмпирических научных трудов в рамках исследовательской проблемы, авторами проведено изучение неравенства возможностей при получении образования и сделана оценка использования отдельных государственных инструментов, направленных на снижение дифференциации в данной сфере. Эмпирической основой для исследования является база данных о социальном неравенстве Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme – Social Inequality), включающая результаты опроса 1603 российских респондентов. Построенные авторами регрессионные модели продемонстрировали наличие гендерных различий во взаимосвязи качества обучения и социальной мобильности: если для женщин рост

числа лет обучения сопровождается усилением межпоколенческой мобильности, то для мужчин, напротив, характерно ее уменьшение. В ходе исследования было установлено, что социальный статус респондента и социальный статус семьи, в которой рос респондент, положительно связаны с доходом, однако наибольшие доходы характерны для лиц, оценивающих свой статус как «средний». Авторы отмечают, что созданные с целью обеспечения равенства возможностей бюджетные места в вузе в настоящее время не только не сглаживают неравенство, но скорее, усиливают его, что отчасти объясняется действием института «репетиторства», доступного для семей с высокими доходами. В статье предлагается ряд направлений по решению выявленных проблем, в частности предложены дополнительные показатели, использование которых в рамках мониторинга социально-экономического неравенства будет способствовать более эффективной оценке влияния качества образования на «вертикальную» социальную мобильность.

Ключевые слова: качество образования; «вертикальная» социальная мобильность; равенство возможностей; межпоколенческая мобильность; доход

Введение

Споры экономистов о роли и значении неравенства в обеспечении устойчивого экономического развития сегодня не только не утихают, но и разгораются с новой силой [1–3]. На этом фоне предлагается не рассматривать дифференциацию в качестве исключительно негативного фактора, отрицательно влияющего на экономическое развитие, так как отсутствие неравенства может значительно сократить стимулы для наиболее активной части населения и привести к негативным последствиям для экономики. Один из таких примеров – опыт социалистических стран XX в., в которых ограничение стимулов замедляло рост производительности и сокращало темпы экономического роста. В этом случае правомерно говорить уже не о неравенстве, как таковом, а о несправедливом равенстве.

Неравенство ошибочно трактовать как справедливое, если оно основано на детерминированных факторах, т. е. таких условиях, на которые сам человек непосредственно повлиять не может. К ним относят гендер, расу, возраст, богатство, доходы родителей и т. д. Современные эмпирические исследования подтверждают сохранение неравенства по целому ряду признаков, например, российские данные показывают, что доходы женщин статистически значимо меньше доходов мужчин [4], что подтверждает наличие несправедливого гендерного неравенства в российской экономике. С другой стороны, такое неравенство, которое является результатом усилий, усердия человека, может рассматриваться как справедливое, борьбу с которым нужно, как минимум, ограничить.

Образование может рассматриваться в качестве одного из ключевых инструментов сокращения неравенства и активизации социальной мобильности. Передаточным механизмом в данном случае выступает человеческий капитал, инвестиции в который увеличивают производительность его носителя, вызывают рост заработков и повышение социального статуса. Целью данной статьи является определение характера связи качества образования, его способности к «вертикальной» социальной мобильности, а также исследование с этих позиций российских реалий. Вместе с тем, необходимо определить существующий на сегодня инструментарий для оценки влияния качественного образования на социальную мобильности и, при необходимости, предложить направления его совершенствования.

Образование и межпоколенческая мобильность

Обеспечение равенства возможностей в настоящее время правомерно рассматривать как передний край борьбы с социально-экономическим неравенством. Считается, что именно усилия человека, его усердие и трудолюбие, должны выступать в качестве фактора изменения доходов и богатства. Образование, в этой связи, является важной характеристикой производительности труда и обеспечение широкого доступа к качественному образованию – это один из способов снижения несправедливого неравенства. В том случае, когда качественное образование доступно лишь для наиболее обеспеченной части населения, межпоколенческая мобильность уменьшается, а неравенство возможностей усиливается. Именно образование является и одним из ключевых инструментов в сглаживании неравенства, поскольку качественное образование позволяет сделать неравенство справедливым, эффективным, а также обеспечить для его носителя вертикальную социальную мобильность.

Своей популярностью тема неравенства возможностей, обусловленного доступом к образованию, во многом обязана известному американскому экономисту Р. Четти, который в ходе исследования актуальных трендов межпоколенческой мобильности вместе со своими соавторами [5] установил, что наблюдается положительная связь между рангом доходов домохозяйств и качеством колледжей, в которых обучаются дети из этих семей. Подобный вывод был сделан на основе микроданных налоговой службы США, включающих не только информацию о доходе, но и дополнительные сведения, необходимые для анализа межпоколенческой мобильности. Результаты Р. Четти свидетельствуют о том, что неравенство возможностей существует, а учитывая, что образование – это инвестиции в человеческий капитал, и более качественное образование можно рассматривать и как более существенные инвестиции в человека, считаем возможным утверждать, что сложившаяся практика как минимум консервирует неравенство, а, скорее всего, лишь усугубляет его.

Вероятность оказаться в верхнем (пятом) квинтиле по доходам для детей, родившихся в 1971–1986 гг. в США в целом существенно не менялась как для выходцев из самых бедных семей, семей со средним достатком, так и наиболее обеспеченных домохозяйств. Как показывают данные рис. 1 (эти значения были интерполированы нами на основе [5]), вероятность попасть в верхний квинтиль по доходам для детей из бедных семей существенно ниже, чем для детей из богатых. В целом существенных отличий в фактических значениях показателя в 1971 и 1986 гг. не было, за исключением второго квинтиля. Для детей, родившихся в указанной группе в 1986 г. характерно достаточно заметное уменьшение шансов оказаться в верхнем квинтиле, по сравнению с родившимися в 1971 г. Отчасти это может объясняться роулсианской перераспределительной политикой, которая направлена скорее на ликвидацию крайней бедности, чем на уменьшение численности населения, находящегося за чертой бедности. В силу этого выправление ситуации в квинтиле 1 обернулось снижением возможностей во второй группе.

Следует согласиться с определением вертикальной социальной мобильности Э. Гидденса, которая трактуется им как «движение вверх или вниз по социоэкономической лестнице» (цит. по: [6, с. 225]). Количественное исследование социальной мобильности в подобной формулировке в значительной степени предполагает оценку именно восприятия социального статуса его носителем, в силу чего при изучении социальной мобильности важную роль играет то, как сами люди трактуют свое положение в обществе.

Считаем необходимым обратить внимание еще на одну интересную тенденцию, складывающуюся в сфере неравенства – усиление поляризации общества. Число рабочих мест со средним уровнем дохода уменьшается, тогда как наименее и наиболее высокооплачиваемых рабочих мест становится больше. Причиной сложившейся диспропорции является автоматизация работы людей со средним уровнем квалификации, при одновременном

отсутствии экономической целесообразности замены ручного труда машинным для низкоквалифицированных рабочих мест. В итоге на двух полюсах оказываются специалисты с высоким и низким доходом, средний доход вымывается с рынка труда машинами, и проблема деления общества на богатых и бедных лишь усугубляется. В этих условиях перед человеком со средней квалификацией стоит выбор между ее повышением (что достигается через образование, но достаточно сложно для людей в возрасте), и согласием на низкоквалифицированную работу и уменьшение дохода. Полагаем, что для российской экономики подобная проблема становится все более актуальной.

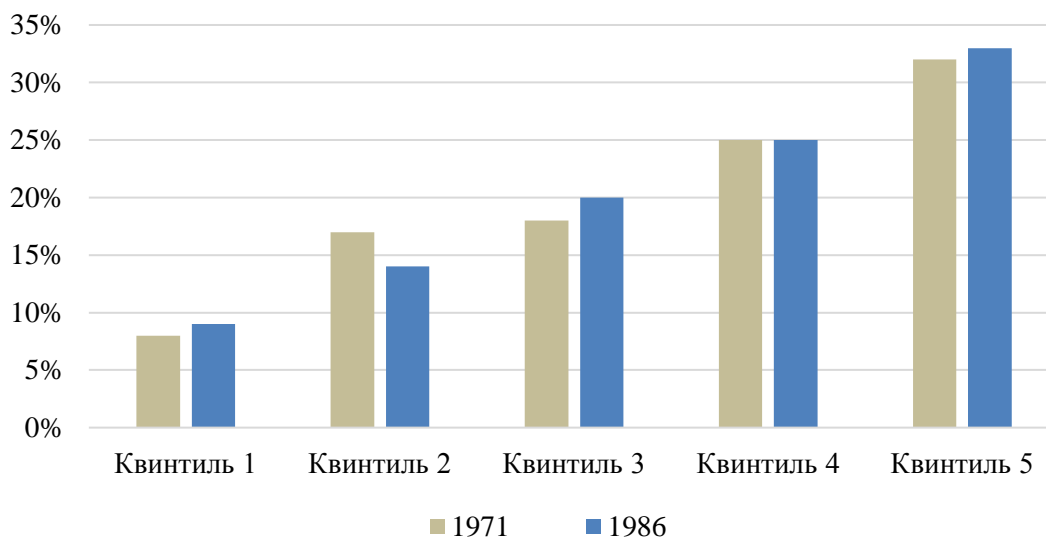

Рисунок 1. Вероятность оказаться в верхнем квинтиле в возрасте 26 лет при рождении в соответствующей когорте (составлено авторами по [5])

Отечественные исследователи Рощин С.Ю. и Рудаков В.Н. [7] рассматривают качество образования как один из важных факторов социальной мобильности, наряду с качественными характеристиками выпускников вузов и рабочих мест, особенностями рынка труда, поведением выпускников на рынке труда. Нельзя не отметить весьма интересную особенность, на которую обратили внимание авторы: мониторинг эффективности работы вузов использовал как индикатор качества образования не заработную плату выпускников, а долю выпускников, не обратившихся за пособием по безработице в течение первого года после окончания обучения. От себя заметим, что еще раньше в качестве критерия востребованности бывших студентов использовались справки с места работы (о согласии на трудоустройство выпускников), без предъявления которых в отдельных вузах просто не выдавали диплом. Также авторы обращают особое внимание на теорию сигналов, согласно которой, работодатель, назначая заработную плату, реагирует сначала на наличие или отсутствие у соискателя образования как такового, а в условиях массового охвата образованием и на качество самого учебного заведения. Последнее трактуется как свидетельство потенциально более высокой производительности выпускника.

В рамках исследования восприятия неравенства и социальной мобильности Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. [6] также отмечают, что образование может рассматриваться в качестве своеобразного сигнала о том, что усердие и трудолюбие позволит человеку в будущем добиться повышения социального статуса, доходов и в целом уровня жизни. Подобные сигналы именуется «тоннельным эффектом» А. Хиршмана [8]. Названный эффект иллюстрирует кейс, схожий с ситуацией, в которой одна из стоявших в заторе в тоннеле автомобильных полос уже начала ехать, а водители на другой еще ждут начала движения, но понимают, что оно начнется совсем скоро. Подобный свет в конце туннеля, т. е. лучшее будущее, видят и участники экономических отношений, они готовы мириться с временными

неудобствами и лишениями, надеясь на то, что в будущем ситуация существенно улучшится. В силу действия «тоннельного эффекта», в относительно стабильных или даже ухудшающихся условиях, родители продолжают инвестировать в образование детей с целью улучшения их положения в будущем.

Результаты исследования охвата высшим образованием Бессуднова А.Р. и др. [9], свидетельствуют о наличии существенного неравенства возможностей в современной России и низкой межпоколенческой мобильности. Данные показывают, что у родителей, получивших высшее образование, доля детей, поступивших в вузы, составляет 84 %, тогда как дети, чьи родители не имеют высшего образования имеют шансы поступить в университеты и институты лишь в 32 % случаев.

Как отмечают Клячко Т.Л. и др. [10], более половины всех домохозяйств, оценивающих свое благосостояние как хорошее, пользуются дополнительными образовательными услугами, включая репетиторство, причем эти занятия в большей степени характерны для детей именно с высокой успеваемостью, т. е. это не подтягивание неуспевающих, а именно получение более качественного образования. В частности, если, по опросам родителей, доля детей, занимающихся дополнительно, среди отличников составляет 71,6 %, то среди тех, кто учится на «удовлетворительно» дополнительными услугами пользуются лишь 47,7 % [10, с. 84].

Данные и методы

Эмпирическая оценка влияния качества образования на вертикальную социальную мобильность в России осложняется недостатком данных, которые могут быть использованы для анализа. Возможности применения налоговых микроданных, которые обычно используются для оценки межпоколенческой мобильности, в нашей стране существенно ограничены в силу целого ряда причин. Альтернативной налоговым данным являются микроданные специализированных организаций, в частности в рамках настоящего исследования была использована база, основанная на результатах опроса по проблемам социального неравенства ISSP – Social Inequality (International Social Survey Programme)¹. Отметим, что ISSP – Social Inequality является одним из наиболее известных опросов, посвященных социальному неравенству – ISSP и включает вопросы, раскрывающие представление людей об их социальном статусе, в том числе в сравнении с социальным положением их родителей, что позволяет оценить межпоколенческую мобильность. К сожалению, данная база обновляется с большими интервалами и результаты опроса за 2019 г. до настоящего времени еще обрабатываются. В силу указанных причин проведенный нами анализ основан на опросе российских респондентов в 2009 г. Всего данная база включает более 56 тыс. наблюдений по 41 стране мира, в т. ч. опрошены 1603 российских респондента. Гендерный состав опрошенных в России: 36 % – мужчины и 64 % – женщины. Опрос проводился в различных регионах России, так, наибольшее число опрошенных было в Центральном ФО (348 респондентов), 74,4 % участвовавших в исследовании россиян – городские жители.

В ходе исследования был использован программный комплекс SPSS, в котором и были построены регрессионные зависимости. Поскольку специализация базы данных – это социальное неравенство, образованию как таковому уделялось в ней лишь второстепенная роль, в силу этого было принято решено построить диаграммы рассеяния и на этой основе провести аппроксимацию фактических данных.

¹ См.: ISSP (International Social Survey Programme) – Social Inequality 2009. <http://www.issp.org/data-download/by-year>.

Результаты

Изучение микроданных обследования россиян в рамках проекта ISSP 2009 – Social Inequality IV позволило обнаружить положительную связь между доходами и оценками людей своего социального положения. В рамках обследования был задан вопрос, на какой ступени социальной лестницы от 0 (самая низшая) до 10 (самая высокая) по их собственной оценке респонденты располагаются сейчас и где была их семья, пока они росли². Полученная в ходе опроса информация о доходе агрегировалась авторами обследования в рамках нескольких групп для каждой из стран, однако это несколько искажает результаты. Как показывает рис. 2, аппроксимирующая кривая имеет положительный наклон, т. е. подтверждается предположение о более высоком доходе людей на более высоких ступенях общества, однако весьма примечательно, что максимальный доход зафиксирован у людей, оценивающих свой социальный статус как средний.

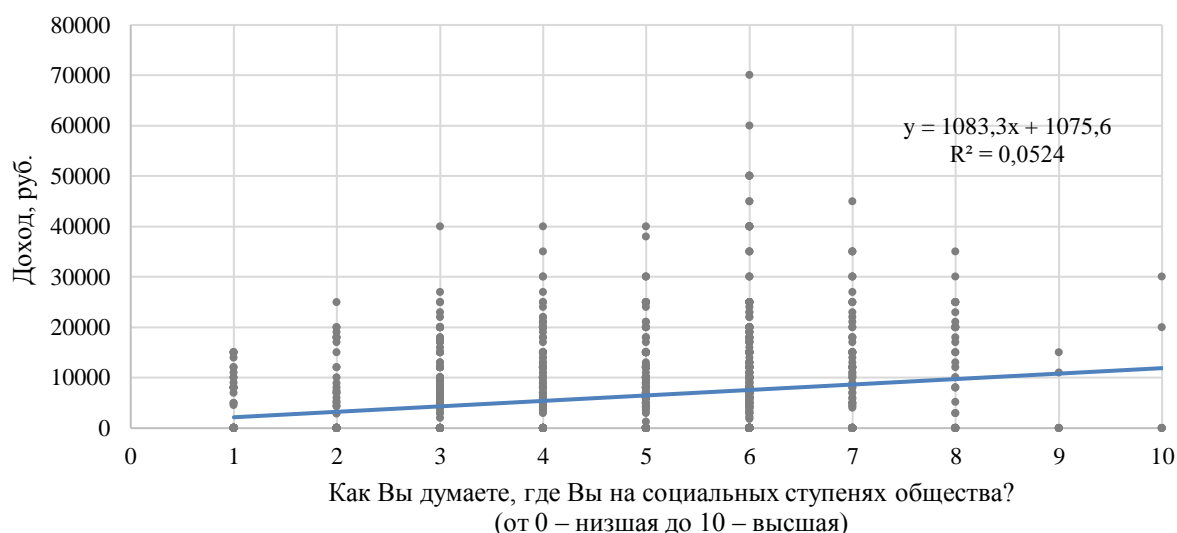

Рисунок 2. Доход и социальный статус респондента в России (рассчитано авторами по ISSP)

Влияние социального статуса семьи в то время, когда респондент был ребенком, на его текущие доходы, также положительно (рис. 3). Вместе с тем, следует отметить, что в целом связь с социальным статусом семьи не представляется столь существенной и, как и в предыдущем случае, максимальные доходы наблюдаются у респондентов, которые давали оценку социального статуса семьи на уровне 4–8. С другой стороны, максимальный доход респондентов из семей с самым высоким социальным статусом (9–10) и самым низким (1–2) оказался практически идентичным, что может косвенно свидетельствовать о действии «туннельного эффекта». Ожидание и, что еще главнее, возможность большой награды за усилия в обучении, усердие и т. п. продолжает мотивировать часть людей из низкодоходных групп населения или семей с низким социальным статусом в получении образования и росте производительности.

² В оригинале обследования данные вопросы звучали следующим образом: В нашем обществе есть группы, которые расположены наверху, и группы, которые расположены внизу. 1) Ниже представлена шкала, которая проходит сверху вниз. Куда бы вы сейчас поставили себя на этой шкале? 2) И где была расположена семья, в которой вы выросли?

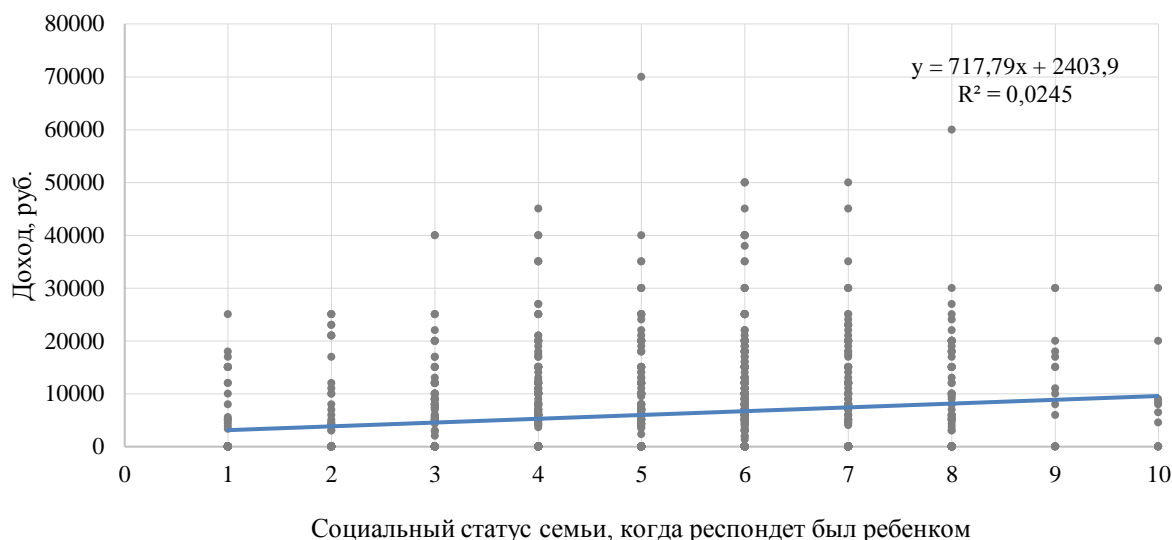

Рисунок 3. Доход и социальный статус семьи респондента в России, когда он был ребенком (рассчитано авторами по ISSP)

Базируясь на представленных выше результатах и [9] отметим, что очевидным следствием существенного недоинвестирования в человеческий капитал, с которым наша страна столкнется в длительном периоде, будет усиление неравенства, поскольку дети из семей с большими возможностями получают еще одно преимущество в виде высокой производительности.

Дополнительным барьером на пути межпоколенческой мобильности в нашей стране выступает институт репетиторства, услугами которого могут пользоваться дети из семей с высоким достатком. Не будет значительным преувеличением предположение о том, что подобное образование более качественно, чем в школе, как минимум за счет индивидуального подхода к каждому ребенку. Считаем, что такая практика негативно влияет на равенство возможностей, консервирует отставание детей из менее обеспеченных семей, и снижает их шансы на успешные результаты ЕГЭ и, соответственно, поступление на бюджетные места в высокорейтинговые вузы. Таким образом, хотя в теории наличие бюджетных мест и призвано решить проблему неравенства возможностей, на практике оказывается, что таким инструментом легче воспользоваться детям из более обеспеченных семей, поскольку качественное школьное образование (включающее индивидуальные дополнительные занятия) оказывается недоступным для домохозяйств с низким достатком. Вместе с тем, в случае непоступления на бюджетное место в учебное заведение с высоким рейтингом, состоятельная семья может позволить себе оплатить обучение.

Интересные результаты продемонстрировал анализ гендерных различий социальной мобильности. Основываясь на предложенной [6, с. 223] методике, определен параметр социальной мобильности для респондента. Вычитанием из оценки текущего социального статуса оценки социального статуса семьи, в которой рос респондент, получены количественные значения вертикальной мобильности, лежащие в диапазоне от -10 до 10. Результаты показывают, что для мужчин и женщин количество лет обучения влияет на мобильность совершенно по-разному (рис. 4а,б). Так, для мужчин характерно некоторое уменьшение мобильности при росте числа лет обучения, тогда как для женщин свойственен пусть и небольшой, но восходящий тренд, иными словами, гендерное различие в данной сфере присутствует.

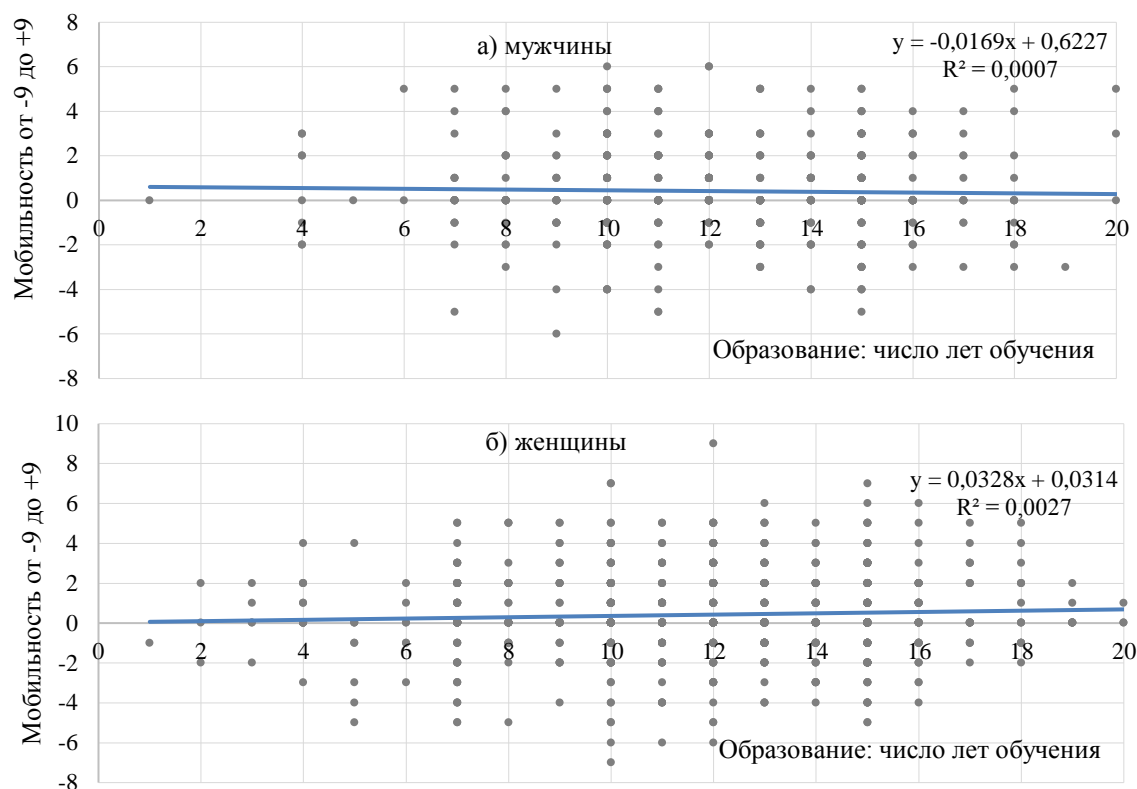

Рисунок 4. Продолжительность образования и мобильность: гендерные различия (рассчитано авторами по ISSP)

Учитывая, что, при прочих равных условиях, продолжительность учебы выступает критерием качества обучения, можно выдвинуть ряд предположений, которые обуславливают подобную динамику. Во-первых, продолжительное обучение (включая обучение в аспирантуре) для мужчины скорее фиксирует статус-кво и в результате мы видим затухание межпоколенческой мобильности. Вероятно, данный феномен объясняется тем, что на послевузовское образование готовы мужчины из семей с более высоким социальным статусом, что делает технически невозможным получение аналогичных значений показателей мобильности, так как вычитаемое в расчете мобильности будет весьма высоко (поскольку, как отмечалось выше, данный показатель определяется как разность текущего социального статуса и социального статуса семьи, в которой родился респондент), следовательно, результат (т. е. мобильность) не окажется слишком значительным. Во-вторых, для женщин качественное (продолжительное) обучение в большей степени может рассматриваться как своеобразный социальный лифт, делая инвестиции в образование более привлекательными. Таким образом, если до анализа влияния продолжительности обучения на мобильность мужчин и женщин в отдельности, сколь-нибудь интересные результаты получены не были, то исследование каждой из этих групп в отдельности позволило установить их заметное различие.

Заключение

Таким образом, результаты исследования показали, что, несмотря на использование в современной России инструментов сглаживания неравенства возможностей, остаются барьеры на пути последнего. Межпоколенческая мобильность достаточно низкая и наблюдаются заметные различия во влиянии продолжительности обучения на вертикальную социальную мобильность для мужчин и женщин.

Анализ свидетельствует, что в российской практике сложилась весьма странная ситуация: выходцы из более обеспеченных семей поступают в более престижные вузы на бюджетные места (финансируемые из бюджета), поскольку получают дополнительное платное образование, т. е. вместо сокращения неравенства возможностей происходит его консервация или даже усиление. Формулирование задачи создания бюджетных мест с позиции усиления межпоколенческой мобильности, т. е. обеспечения более равного доступа к высшему образованию, позволяет перенести акценты с доминирования не всегда эффективной координирующей роли государства на обеспечение справедливости как новую целевую установку. Полагаем, в этой связи следует обратиться к опыту образовательных учреждений (напр. школа Летово), которые используют возможности эффективной системы скоринга финансовых организаций для оценки благосостояния семей и устанавливают стоимость платы за обучение исходя из доходов родителей. Если стоимость обучения в вузе будет определяться по схожему принципу, студенты из семей с небольшим доходом будут обращаться за специальной стипендией, полностью или частично покрывающей стоимость обучения (аналог бюджетных мест, но дифференцированный, исходя из уровня доходов домохозяйств), а дети из наиболее обеспеченных семей не смогут претендовать на оплату обучения из бюджета. Таким образом, с целью усиления возможностей вертикальной социальной мобильности может быть рассмотрена идея о трансформации существующей системы бюджетных мест в вузах в специальную стипендиальную программу. Согласимся, что предложенная рекомендация носит дискуссионный характер, но в целом позиция авторов схожа с идеями роулсианства, предполагающего, что общественное благосостояние определяется благосостоянием индивидуума, который находится в худшем положении. С этих позиций отсутствие дифференциации в субсидировании государством образования вряд ли может рассматриваться как наиболее эффективное решение.

Следует отметить, что исследование влияния образования на социальную «вертикальную» мобильность может быть усовершенствовано путем включения в мониторинг социального неравенства ряда дополнительных вопросов, которые можно сформулировать в виде нашей будущей исследовательской программы. С позиции оценки качества образования мы предлагаем дополнить базы данных рейтингами школ на момент обучения респондентов и момент проведения опросов, для высшего образования качество образовательного учреждения может быть определено через его селективность, т. е. средний балл ЕГЭ поступивших в него студентов (при сравнении показателей за различные годы эти данные должны быть отфильтрованы с учетом результатов ЕГЭ в среднем за соответствующий период) или рейтинг вуза. Считаем, что использование названных данных наряду с включенными в мониторинг ранее будет достаточно для развития исследования взаимосвязи обеспечения равного доступа к качественному образованию как возможности для «вертикальной» социальной мобильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000–2016 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 29–52. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-29-52>.
2. Islam Md.R., McGillivray M. Wealth inequality, governance and economic growth // Economic Modelling. Volume 88. June 2020. Pages 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.06.017>.
3. Кормишкин Е.Д., Горин В.А. Моделирование влияния неравенства на экономический рост: формализованный подход // Экономика и предпринимательство. 2019. № 8 (109). С. 74–78.
4. Гриненко С.В., Богомолова И.С., Задорожная Е.К. Гендерные особенности развития человеческого капитала // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 38. С. 20–35.
5. Chetty R., Hendren N., Kline P., Saez E., Turner N. Is the United States still a land of opportunity? Recent trends in intergenerational mobility // NBER Working Paper No. 19844. 2014. <http://www.nber.org/papers/w19844>.
6. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 216–248.
7. Роцин С.Ю., Рудаков В.Н. Измеряют ли стартовые заработные платы выпускников качество образования? // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 137–181.
8. Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // The Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. № 4. P. 544–566.
9. Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю., Малик В.М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109.
10. Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 71–92.

Kormishkin Evgenii Danilovich

National research Ogarev Mordovia state university, Saransk, Russia

E-mail: edkormishkin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7524-4072>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=351150

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56809392900>

Gorin Vladimir Alexandrovich

National research Ogarev Mordovia state university, Saransk, Russia

E-mail: msugorin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8385-1377>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=233739

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57191529519>

Equal access to quality education as an opportunity for “vertical” social mobility

Abstract. This work is devoted to the influence of education on "vertical" social mobility. Based on the study of theoretical and empirical scientific works, the authors studied the inequality of opportunities in obtaining a quality education and made an estimation of the use of certain government instruments aimed at reducing differentiation in this area. The empirical basis for the study is the database on social inequality of the International Social Survey Program, which includes the results of a survey of 1603 Russian respondents. The regression models constructed by the authors demonstrate the presence of gender differences in the relationship between the quality of education and social mobility: if for women an increase in the number of years of studying is accompanied by an increase in intergenerational mobility, then for men, on the contrary, it is characterized by a decrease in social mobility. In the course of the study, it was found that the social status of the respondent and the social status of the family in which the respondent grew up are positively related to income, however, the highest incomes are characteristic of people who assess their status as "average". The authors note that the government-funded university studying created to ensure equality of opportunity currently not only does not smooth out inequality but rather reinforces it, which is partly due to the effect of the institution of “private tutoring” available to high-income families. The article proposes a few directions for solving the identified problems, in particular, additional indicators are proposed, the use of which for monitoring socio-economic inequality will contribute to a more effective assessment of the impact of the quality of education on "vertical" social mobility.

Keywords: quality of education; vertical social mobility; equal opportunity; intergenerational mobility; income